

А. В. Дружинин

Полинька Сакс

Повесть

А. В. Дружинин. Повести. Дневник.
Серия "Литературные памятники"
Издание подготовили Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов
М., "Наука", 1986
[OCR Бычков М. Н.](#)

ПРОЛОГ В ДВУХ ПИСЬМАХ

I

От Конст. Ал. Сакса к Павлу Александровичу Залешину

Давно нет от тебя писем, почтенный пантагрюэлист¹; стоило бы воздать тебе по заслугам, то есть самому ничего не писать, да в этом случае вся невыгода упадет на мою сторону. Пусть получу я крест, пусть выгонят меня из службы, ты все это проведешь из газет. Умри я, и об этом, может быть, напишут. Конечно, там не буду я описан "сановником, оплакиваемым подчиненными", даже до "всеми уважаемого мужа" остается мне служить лет пять, а все-таки узнаешь ты, что такой-то Сакс, чиновник особых поручений, исключается из списков такого-то министерства.

А о тебе без твоих писем я ничего знать не буду. Ты богатый помещик, бьешь собак, по выражению наших стариков, в губернии слынешь отцом своих крестьян, да кто же из вас не отец крестьянам? Давай же, стало быть, подеятельнее переписываться.

Кроме всего этого, я сегодня так расположен к откровенности, что положил перед собою лист бумаги, и не подумавши о плане письма. С кем поболтать мне?.. Жена спит, как дитя, подложив ручонки под голову, а я не могу еще спать, благодаря проклятой привычке ночью работать... И сверх того, на душе не совсем весело.

А между тем день и начался и кончился счастливо. Поутру разделался я со следствием, которое на меня взвалили по службе, и кончил его так, что не один богатый синьор почешет у себя в затылке. Без гнева и пристрастия -- *sine ira et studio* -- я вывел на свет божий все проделки известного тебе комитета и открыто вызвал на бой дельцов, не отвыкших еще от идеи, что за казну, как за общую собственность, не след вступаться какому-нибудь выскочке. Министр несколько раз прочитывал мой доклад, соглашался с моими доводами и сегодня окончательно благодарил меня. Я воротился домой не без радостного волнения; мысль, что труд мой не прошел даром, дала мне порядочную дозу самодовольствия.

Полинька была хороша, как ангел, весела, как птичка,-- все это в порядке вещей. Меня порадовало то, что я застал ее за роялем, а сильный ее *mezzo sorghano* звенел в моих ушах, когда я был еще на лестнице. Ты знаешь, до какой варварской степени наши дамы и девицы равнодушны к музыке: а моя жена, с горестью признаюсь, хуже всех их на этот счет. Она явно зевает в опере, дома же любит играть польки и галопы. Одна проклятая *Sperl-Polka* {полька (*нем.*)} испортила у меня бездну крови.

На этот раз, однако, она пела знаменитый романс Дездемоны². Много минут из детства и молодости припомнил мне этот гениальный романс. Благодарю судьбу за восприимчивость и память моей души: довольно я пожил и пострадал и позлился на своем веку, а между тем ни одна светлая минута не забыта мною, ни одно ясное чувство не утратило надо мною своей силы.

Я не скрывал своего удовольствия: свежий и сильный голос Полиньки волновал всю мою внутренность. Я думал почти так; из слабой души не может литься такое энергическое пение; а если есть душа, то мы до нее доберемся.

Со всем тем Полинькина манера пения далеко не удовлетворяла музыкальным условиям. Она пела грустный романс "*Assisa al pie d'un salice*" {"Сидя под ивой" (*итал.*)} так же бойко и живо, как дозволяется только петь "Черный цвет" или "*Jeune fille aux yeux noirs*" {"Молодая девушка с черными глазами" (*франц.*)}. Она даже прихотливо варьировала окончание каждого куплета, тогда как в однообразии окончания, в одном и том же меланхолическом припеве романса заключалось что-то,